

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

**Повзун В.Д., доктор педагогических наук, профессор Сургутского
государственного университета,
г. Сургут**

В преемственной образовательной корпорации наиболее открыто пересекаются интересы общества и личности, вследствие чего современный университет становится своего рода актуальным зеркалом социума, в котором отражается его прошлое (традиции) и проектируется будущее (миссия как смыслообразующее ядро университетской идеи).

Ключевые слова: корпоративная культура, аксиология, личность, пересечение интересов.

A mission of the university as axiological phenomenon
*Povzun V.D., doctor of pedagogical sciences, professor SSU,
Surgut*

The interests of society and personality cross in the most undisguised manner in successive educational corporation, in the consequence of which modern university becomes the pressing mirror of society, in which its past traditions are reflected and future is projecting.

Key words: Corporate culture, society, personality, crossing interests.

Университет как чисто европейское явление, как продукт и достижение европейской цивилизации является порождением общеевропейской культуры, культурным символом с его «вневременным и транснациональным смыслом» (8).

Современные университеты во многом сохранили особый корпоративный дух, корпоративную, академическую культуру своих предшественников. Интересы общества и личности пересекаются в корпорации, и университет как корпорация стал своего рода зеркалом общества, в котором отражается его настоящее, основанное на прошлом (традиции), и закладывается будущее (новизна). Для того чтобы осмыслить роль университета в современном мире, в пространстве человеческой культуры, необходимо обратиться к истории становления и развития университетской идеи, поскольку в идее университета заложена его миссия (Ю.Н. Афанасьев).

В широком смысле слова «миссия воплощает философию и предназначение организации, первой определяются ценности, убеждения, принципы, которыми руководствуется коллектив; а вторым – действия, которые предстоит осуществить, чтобы обрести предполагаемый облик» (1, С.71). В более узкой трактовке миссия связана с представлением о том, для чего или в силу какой причины существует организация, в чем ее отличие от других аналогичных (25, С.45). Нередко миссию определяют через стратегическую цель, выражающую смысл и назначение организации (6, С. 105)

По мнению Н.П. Макаркина, «миссия – это ясно сформулированное, побуждающее к действию, емкое изложение перспективного видения образа университета, принципов и способов продвижения к этому идеалу» (16). В данном случае речь идет о совпадении понятий миссия, образ, идея университета с точки зрения формирования модели его развития во времени и пространстве.

Кеннет Р. Миног отмечает, что «...любая попытка охарактеризовать университеты с точки зрения единственного мерила будет представляться глубоко ошибочной. Мы должны учитывать, помимо всего другого, исторические условия их основания, о которых можно судить исходя из их институционального устройства и способов взаимоотношений, возникающих между различными университетами, с одной стороны, и обществом и культурой, с другой. Мы, в частности, должны быть особенно чувствительны к тому, что отличает университеты от других подобных им институтов» (18).

Именно поэтому мы будем понимать под миссией университета совокупность представлений об основополагающих ценностях, целях и пространстве развития образовательного учреждения, о том, что он несет, производит вовне, зачем он нужен обществу, государству, людям. В данном контексте миссия представляет собой смыслообразующее ядро университетской идеи.

В XII-XIII вв. средневековые города, центры цивилизованного мира, испытывали недостаток специалистов в области медицины и права. Потребность европейской цивилизации в передаче и развитии культурного наследия античной цивилизации стала очевидной. В результате крестовых походов Запад открыл для себя интеллектуальные богатства Востока. Там, где контакты были более устойчивыми, в Испании и Италии, в первую очередь появились предпосылки создания университетов. Именно в них путем споров и размышлений выработывалась общая культура, без которой была бы невозможна сама идея политического общественного пространства Европы.

Сам термин «университет» (лат. *universitas* – целость, совокупность, общность) первоначально обозначал межнациональную корпорацию преподавателей (магистров, профессоров) и студентов, *studentes* – тех, кто «штудирует» (школяров) и обозначал определенную гильдию по аналогии с

другими мастерскими гильдиями средневекового города. Корпоративность ранних университетов отличалась от всех прочих гильдий и школ прежде всего своей открытостью, а не замкнутостью. В отличие от других корпораций у нее не было монополии на местном рынке. Ее пространством был весь христианский мир. С точки зрения А. Коббена, которую разделяют многие современные исследователи, в том числе С. Костюкевич (14), слово *universitas* в XII-XIV вв. «использовалось для обозначения некоторой совокупности лиц с общими интересами и независимым легальным статусом: оно указывало на определенную группу – либо сильную гильдию, либо муниципальную корпорацию. Будучи используем в академическом контексте, термин указывает на университет не как на абстракцию, самостоятельное совокупное единство, но как на корпус преподавателей и студентов, или преподавателей и студентов, объединенных зависимостью от организационного типа конкретного университета...» (15, С.10).

Корпоративность университета, как только он создавался и начинал функционировать в качестве достаточно разнообразного сообщества, становилась мощным регионообразующим фактором. Университет в средние века – это не только преподаватели и студенты. Университет – это «члены и подданные университета» или «академические граждане». Таким образом, корпоративные права, а также различные дотации и привилегии финансового плана давали «штудирующим» (*Studentes*) возможность штудирова – жить и всячески активизировали жизнь города, становящегося университетским городом, то есть делали существование университета для города выгодным.

В. Роуг, рассматривая университет как явление средневековой европейской культуры, отмечал, что он выступал как «продукт и образ своего времени» (21). Реагируя на экономические и политические запросы общественной жизни, университет способствовал развитию цивилизации воспроизводством культуры, приращением знаний и подготовкой профессиональной и интеллектуальной элиты.

В корпоративном университетском сообществе образовательная задача, по сути, совпала с самой идеей университета, т. е. университет – это место, где основной задачей является отнюдь не производство знаний, а воспроизводство «образованных людей» – интеллектуалов всех профессий и – уже к концу XV века – интеллектуалов «по профессии».

Н.С. Ладыжец отмечает, что «университетское образование, институционализировавшееся в XII в., лишь к середине XIX столетия приобретает развитую форму теоретической рефлексии, реализованной в анализе его идеи как совокупности представлений об основополагающих ценностях, целях и границах функциональности образовательного подразделения» (15, С. 6).

В эпоху Возрождения университеты утратили роль ведущих интеллектуальных центров Европы. Формирование антропоцентричной

ценностной системы привело к преобладанию в университетском образовании гуманитарных наук в ущерб наукам естественным, что привело к формированию новых исследовательских центров в лице научных академий.

В Новое время университеты становятся все больше как бы «государством в государстве», благодаря чему они сохраняют свое цивилизационное призвание (культурное, идеологическое и научное), имеющее наднациональный характер.

Концепцию университета, ставшую переходным явлением от модели средневекового университета к университету классическому, создал Я.А. Коменский. В первую очередь университет представляется Коменским как самоуправляющаяся корпорация, находящаяся на службе общества, в котором от лица общества выступает государство и, в частности, уполномоченные им лица. Университет приобретает черты не столько научно-образовательного учреждения, сколько исключительно научного, что создает прецедент не столько конструирования такой национальной системы образования, во главе которой стоит чисто научное учреждение, но и ученого-интеллектуала, для которого преподавательская деятельность не выступала в качестве приоритетного вида профессиональной самореализации (13).

С начала XIX века термин «идея университета» становится предметом философской рефлексии. «Можно предположить, что обращение к термину «идея» было отчасти обусловлено самим объектом рефлексии, как символом культуры высокого знания или, пользуясь гегелевским определением, пониманием предназначения университета быть «живым зеркалом Вселенной» (15, С. 27). Университетская реформа, осуществленная в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом, опиралась на идеи Канта, Фихте, Шиллера, Шеллинга и Шлейермахера. Она предполагала объединение Королевской Академии и Берлинского университета. Став предвестниками германского национального единства, немецкие университеты не рассматривали его достижение как свою миссию, но фактически подготовили почву для создания единого немецкого государства.

Возникновение «идеальной», классической модели университетского образования связывают с открытием в 1810 году Берлинского университета. В основу новой модели университетского образования были положены три принципа. Первый состоял в отрицании примитивного утилитарного взгляда на образование, когда знания ценятся лишь с практической точки зрения. Второй – предостерегал от засилья опытной (эмпирической) науки, которое противодействовало фундаментальному теоретическому познанию. Наконец, третий принцип утверждал господство гуманитарного образования, без которого не может быть образованной личности (11).

Таким образом, базовыми принципами классической идеи университета стали: государственная поддержка университета при сохранении им статуса

относительной автономии; идея академической свободы в исследовании и обучении как основополагающая; исследование и обучение как сущность образования; активное включение преподавателей и студентов в общественную жизнь; этическое обоснование достоинства знания и учености.

Именно «классическая идея университета»: синтез исследования, обучения и воспитания – Вильгельма фон Гумбольдта стала критерием, по которому рассматривалась вся дальнейшая эволюция европейских и американских университетов.

Во второй половине XIX века появилась книга Дж. Ньюмена «Идея университета», которая «явилась практически первым в истории мировой культуры специализированным изложением системы взглядов на роль университетов в обществе» (12). Ньюменовский идеал университета предстал школой по формированию гуманитарной интеллектуальной культуры, оказавшей воспитательное воздействие на личность. Основной задачей Ньюмена было обоснование необходимости поддержания традиций либерального университетского образования как единственно соответствующего его природе. В это время в Англии разгорелись дебаты о будущем английских университетов. Сторонники классического гумбольдтовского университета столкнулись с приверженцами утилитаризма и либерализма, к которым относился кардинал Ньюмен. Спор был вызван изменением социально-экономической ситуации в стране и завершением промышленного переворота, который привел к тому, что старые английские университеты не были способны ответить на вызов времени, так как не специализировались на высшем образовании прикладного характера. Консерваторы, в частности кардинал Ньюмен, считали, что «основная задача университета состоит в воспитании интеллекта, формируемого в процессе передачи высокого знания». «Мою точку зрения на университет, – отмечал Ньюмен, – можно сформулировать так: университет – это место, где обучают универсальному знанию» (18, С.85). И еще одно его высказывание: «...Задача университета состоит в том, чтобы интеллектуальная культура стала сферой его деятельности, его задача – формирование интеллекта...» (18, С.85). Пространство университета – это пространство интеллекта и ничто более. Л. Мишед определял основную функцию ньюменовского университета как культурную.

Идеи исследовательского университета В. фон Гумбольдта и интеллектуального университета Дж. Г. Ньюмена стали первыми попытками осмысления идеи университета, определения его миссии в современном мире. Модель Гумбольдта оказала значительное влияние на развитие американских, канадских, японских университетов. Модель Ньюмена, оставшись национальным достоянием, тем не менее была воспринята рядом элитарных высших учебных заведений Европы.

С середины XIX века процессы социальной мобильности усугубили проблему элитарного и эгалитарного образования в обществе. В университеты начала XX века пришли массы, что заставило вновь обратиться к идее университета, но уже в другом пространственно-временном континууме.

Центром обсуждения стали проблемы долга и ответственности университетов перед идеалом образования и рассмотрение натиска масс и как угрозы высшему образованию, и как естественного последствия социальной эволюции, то есть как возможности для его развития. Э. Дюркгейм с развитием специализации связывал развитие новой нравственности, когда «все будут сотрудничать для блага всех и каждого» (9).

Этой же позиции придерживался М. Вебер. Он считал, что обязанность ученого-преподавателя – помочь индивиду «дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности», содействовать обретению ясности, т. е. осознанию выбора средств относительно целей и умению видеть следствия своей деятельности (5). Когда традиционные ценности разрушены, а новые еще не созданы, университеты, привлекая в свои стены массы, по мнению М. Вебера, обязаны формировать у будущей элиты европейского общества ученых, политиков, предпринимателей этику ответственности, ясное осознание того, что надо расплачиваться а последствия своих действий. Воспроизводить интеллектуальную элиту университет сможет, лишь обеспечив свою независимость от государства и академизм в преподавании. Под академизмом М. Вебер понимал обязанность преподавателя отличать факт от ценности. Преподаватель не должен вносить в аудиторию свои идеалы и убеждения, поэтому, на его взгляд, узкая специализация может иметь положительные результаты, как с точки зрения концентрации усилий исследователей, так и с точки зрения мировоззренческой нейтральности преподавания.

В условиях аксиологической неопределенности М. Вебер видел миссию университетов в сохранении интеллектуального единства как важнейшего фактора повышения устойчивости послевоенного мира. Очевидно, что он стоял на либерально-гуманистических позициях и выступал за сохранение элитарного образования.

Иной взгляд на проблемы развития академического образования высказал К. Манхейм, который во времена фашизма утверждал, что специализация, нейтрализующая интерес к реальным проблемам и путям их разрешения, и терпимость (объективность), настаивающая на важности самого факта тренировки мозгов, способствовали подавлению сознания у образованных классов. По его словам, «нельзя спасти автономию личности, пренебрегая анализом социальных условий, в которых человек должен жить и выжить» (17).

Т. Веблен также высказал свои опасения по поводу понимания университета как центра по производству элиты. Его больше беспокоило не давление на университеты со стороны государства, а возрастание влияния

новых социальных лидеров: инженеров, техников, бизнесменов, стремящихся рассматривать высшее знание как вид товара и предмет для спекуляции. Это может привести, по его мнению, к оценке деятельности университетов только по критериям престижности и презентабельности. Т. Веблен вслед за Х. Ортегой-и-Гассетом поднимает проблему массового и элитарного образования в современном мире, мире «восставшей массы» (19).

В это время в Америке появился фундаментальный труд Абрахама Флекснера «Университеты: американские, английские, немецкие», в котором он утверждал, что университет стал многофункционален, «приобрел слишком много сущностей». «Университет является институтом, сознательно нацеленным на достижение знания, решение проблем, критическую оценку деятельности и обучение человека на действительно высоком уровне» 15, С.41). Первым американским университетом, воплотившим гумбольдтовскую модель, стал университет Дж. Хопкинса конца XIX в. Дж. Хопкинс адаптировал ее к национальному и образовательному контексту своего времени, соединив специализированную профессиональную подготовку с фундаментальным естественнонаучным образованием. Влияние времени выразилось в необходимости обучения большого числа высококвалифицированных кадров, что привело к появлению важнейшей характеристики американских университетов – их массовости. Официально была признана новая функция университетов – сервисная, которая значительно повлияла на изменение системы ценностных ориентаций университета и расширение пространства его развития.

Флекснер, сравнивая тенденции развития европейских и американских университетов, отдает лидерство американским, утверждая, что в них произошло усиление гуманистического начала ньюменовской модели в соединении с исследовательской направленностью гумбольдтовского университета. Расширение миссии «современного университета» Флекснер видел в соединении прогрессивного обучения с исследованием. Он негативно отнесся к многопрофильности обучения и расширению его функций, которые вели к утрате качества. Флекснер не принял идею о том, что количество и качество могут быть объединены и социальные функции университета могут быть расширены при сохранении базовых ценностных ориентаций университетского образования, благодаря чему университеты могут получить новый импульс к своему развитию.

Дополнительный импульс развития идее университета в Европе придал Хосе Ортега-и-Гассет. В новом историческом контексте он предпринимает еще одну попытку возрождения некоторых аспектов идеи университета Дж. Ньюмена. Он отмечает, что надежды Э. Дюркгейма относительно массового воспроизводства «нравственных специалистов» не оправдались, элиты уже стали пополняться «массовыми людьми». Идея университета Х. Ортеги-и-

Гассета базируется на представлениях философа о самополагании субъекта познания в процессе развития культуры; о духовном опыте непосредственного переживания; о духовном и социальном разобщении элиты и масс, которое привело к такой стадии развития общества, которую он определил как «цивилизованное варварство». По мнению философа, миссия университета, его центральная задача – «просветить» человека, приобщить его к полноте культуры своей эпохи, открыть ему с ясностью и необходимостью огромный настоящий мир, в который он должен втиснуть свою жизнь, чтобы она стала аутентичной» (19). «Университеты должны обучать культуре, системе жизненных идей, которых достигла эпоха. Это основная функция университета. Это то, чем университет должен быть прежде всего». «Университет означает институт, который помогает обыкновенному студенту стать культурным человеком и хорошим специалистом». Именно эта позиция позволила Л. Мишеду назвать модель идеального массового университета Х. Ортеги-и-Гассета «гуманистической», хотя другие исследователи предпочитают называть ее «культурной».

Карл Ясперс в 1949 году выдвигает собственную идею университета, возрождая модель исследовательского университета Гумбольдта. По его мнению, университет – это сообщество ученых и студентов, занятых совместным поиском истины. «Университет – это место, где благодаря условиям, создаваемым государством и обществом, культивируется самосознание эпохи. Люди приходят сюда с одной - единственной целью – с целью поиска истины... Но так как истина отрывается в результате систематического поиска, то и исследования являются первейшей задачей университета... Поскольку масштаб истины намного превосходит масштабы науки, то и ученый обязан рассматривать этот поиск в общечеловеческом масштабе, а не только как специалист... Вторая задача университета связана с обучением, так как знание истины нужно передавать... восприятие истины предполагает интеллектуальную зрелость личности. Отсюда следует, что и обучение, и исследование нацелены на нечто большее, чем просто передача готовых фактов и умений. Их цель – формирование человека в целом... Задача университета тройственна – исследование, передача знаний (образование) и культура...» (18, С.86-87). Это триединство стало классическим основанием современного университетского образования во всем мире.

К. Ясперс рассматривает идею университета сквозь призму реальности и подчеркивает, что всякий действительно великий университет принадлежит своему народу, но одновременно стремится стать интернациональным. Ясперс фактически предложил миру модель современного классического университета, в котором развивается исследовательская традиция Гумбольдта, при большей гуманитарной направленности, и снимается концептуальная неполнота модели Х. Ортеги-и-Гассета, в данном случае университет является одновременно и ис-

следовательским институтом, и профессиональной школой, и культурным центром.

Заслугой М. Хатчинса, который в 1953 году опубликовал свою книгу «Университет Утопии», является новая попытка обращения к либеральноориентированной университетской модели Ньюмена. Как и Ясперс, он считал, что идея университета никогда не получит реального воплощения и ее надо рассматривать как идеал. Хатчинс, анализируя проблемы современного ему американского общества, прекрасно видел три основные опасности: индустриализация, специализация и философские различия. Университет в представлении М. Хатчинса является мыслящим сообществом, призванным решать интеллектуальные проблемы, что становится условием сохранения его целостности, устойчивости его внутренних и внешних связей. Он отвергает сервисную функцию университета и призывает отказаться от всего, что мешает интеллектуальному развитию. Кроме этого он подчеркивает еще одну особенность идеального университета – это сближение ценностных ориентаций обучающихся и обучаемых. В Утопии цель университета – совместное достижение знания единой университетской корпорацией обучающихся и обучающихся. Хатчинс фактически выступает за изоляцию университета от внешнего мира, рассматривая его влияние как негативное. Такая позиция ученого объясняется серьезным политическим давлением на ученых, которое существовало в США в 40-50-е гг. XX в.

Университеты последних десятилетий – сложный элемент не только системы образования, но и всего общества в целом. Высокопрофессиональная подготовка, социальные конфликты с государством, демократические идеи, стремление привлечь коммерческих партнеров и спонсоров к профессионально-техническим программам и совместным исследованиям – все это университет второй половины XX века. С 70-80-х годов исследователи, анализируя развитие и функционирование университетов, все чаще подчеркивают лидирующую роль университета в обществе и государстве.

Все более разрастающиеся университеты (К. Керр называет их мультиверситетами) – это особые интеллектуальные города, которые для окружающего социокультурного пространства играют ведущую роль (24).

Кларк Керр в своей работе «Цели университетов», вышедшей в 60-е годы XX в., предложил новое видение университета, ориентирующегося на служение обществу, нации, региону и производящего не только знания, но специалистов, обладающих этим знанием и необходимых для бизнеса, промышленности, сферы услуг. Для обозначения этого феномена был введен термин «университетский комплекс». Его отличие заключалось в том, что он стал индустрией знания, которое стало рассматриваться как основной экономический ресурс общества. Кроме этого он взял на себя функцию определения направления общественного, интеллектуального развития,

инструмента достижения национальных целей, ведущего социального института, обладающего сложным механизмом управления всеми его подразделениями. «Идея комплексности» с ориентацией на культурную и сервисную функции способствовала расширению пространства университета.

Кризис университетского образования в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. привел мировое университетское сообщество к необходимости задуматься о ценностных ориентирах развития университетского образования в мире, выработке этических норм научной деятельности, достижении баланса интересов университета и общества на основе гибкой политики и поддержания престижа университетов.

Р. Барнетт в своей лекции «Осмысление университетов» утверждает, что университет конца XX века – это пространство, в котором создаются условия для выживания человека в этом чреватом последствиями, хрупком и непредсказуемом мире. «Подготовка человека к жизни в этом мире есть часть вызова, брошенного университету», – отмечает он (2).

Размышляя о будущем современного университета, Р. Барнетт считает, что ему должны быть свойственны ряд особенностей:

Критическая междисциплинарность. Междисциплинарность должна стать качеством современного университета, где постоянно сталкиваются друг с другом разные мнения. Университет выступает не только местом проведения многочисленных дискуссий, он сам вовлечен в процесс создания новых форм знания.

Коллективный самоанализ. В структуре нового университета должны быть созданы условия коллективного самоанализа на разных уровнях университетской практики. Это – необходимое условие для творческой разработки университетом новых перспектив своего существования.

Целевое возрождение. Университету необходим постоянный диалог. В нем должна быть дискуссия не только о результатах, основаниях, приоритетах и методах общения, но и разговор о собственном месте в этом общении. В век сверхсложности цели университета постоянно усложняются, дополняются новыми. Миссия университета постоянно подвергается переосмыслению и переинтерпретации.

Подвижные границы. В эпоху сверхсложности в университете не должно существовать четко фиксированных границ. Множество форм академической идентичности должно создаваться в горизонтальной плоскости (через границы) и в вертикальной (в рамках локальных подразделений, на уровне факультета, университета, государства). Ни одна из этих форм не должна претендовать на превосходство относительно других.

Ангажированность. Университет должен взаимодействовать с различными общностями. Во-первых, в обществе знание существует в различных формах и институтах, процедурах и определениях. Университет

должен с этим считаться, и ему придется ступить на эту территорию с новыми для него правилами производства знания. Университет вступает в альянс с промышленностью, профессиональными объединениями, внешними по отношению к университету консультантами для того, чтобы сохранить свое место на рынке производства знаний. В наш век не существует башен из слоновой кости. Вторая причина заключается в том, что в просвещенном обществе растет число клиентов, пользующихся услугами университета. Возможно, некоторые университеты двадцать первого века будут просто предлагать свои товары на рынке, в связи с тем, что обучение студентов не настолько выгодно, чтобы оставаться их «главным делом».

Сегодня университеты становятся аренами производства многочисленных соперничающих перспектив. В век сверхсложности университет должен быть готов как говорить, так и слушать.

Коммуникативная терпимость. Современный университет должен давать возможность высказываться самым различным голосам. Надо создать условия, побуждающие их иметь и высказывать (2).

Одной из последних моделей университета, предложенных сообществу для обсуждения, стала идея «предпринимательского университета», представленная Б. Кларком в работе «Создание предпринимательского университета: организационные пути трансформации». К основным чертам предпринимательского университета он относит: создание усиленного управленческого ядра; формирование дискретной (диверсифицированной) финансовой базы; формирование расширенной периферии развития университета; стимулирование академического ядра; широкое распространение и утверждение в университетском сообществе предпринимательских убеждений и ценностей (22).

Американский социолог, теоретик постиндустриального общества Д. Белл считает, что университет становится главным социальным институтом современного общества. Как элитная группа высших учебных заведений, университет в последнее время принял на себя большое число расширившихся функций: в области фундаментальных научных исследований; как институт обеспечения потребностей общества в высококвалифицированных кадрах; в развитии общего образования (4). Н.С. Ладыжец в своем исследовании «Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации» дала наиболее полный в отечественной философской литературе анализ развития идеи университета, от ее зарождения до начала 90-х гг. XX века. Она отмечает, что в отечественной литературе философский анализ проблем развития университета и особенностей этапов развития его идеи до 90-х гг. XX в. оставался на периферии интересов специалистов. По ее мнению, это можно объяснить тем, что в советское время существовала жестко централизованная система управления высшим образованием; было специфическое понимание

задач высшей школы, предполагавшее подготовку кадров для развития экономики страны и отодвигавшее на второй план развитие духовных, интеллектуальных и личностных качеств молодых специалистов. Все это не способствовало философскому осмыслению и прояснению ценностной природы университетского образования, рассмотрению его целей в отечественной философской традиции (8, С. 58) .

По мнению Ф.А. Петрова, «российские университеты должны были не только готовить высококвалифицированных специалистов: университетские корпорации рассматривались как своеобразная модель для совершенствования государственного аппарата в цепи задуманных широких преобразований» (20). К сожалению, задуманного достичь не удалось.

В начале XX века в российском обществе развернулась дискуссия по поводу «назначения университетов», в ней приняли участие ученые, политические и общественные деятели, но реальных результатов эта дискуссия не дала. Альтернативной в решении проблем высшего образования стала организация негосударственных вузов, в том числе народного университета. Его создание позволяло «более гибко реагировать на изменения социально-экономической и политической ситуации, приблизить процесс обучения к реальным потребностям страны в высококвалифицированных специалистах и широко образованных людях» (10). В советское время именно таким было видение «назначения университетов».

Ю.А. Афанасьев, обращаясь к проблеме университетского образования и его миссии в современном мире, отмечает, что преемственность культурных традиций, ориентация студентов в современной жизни и их готовность войти в завтрашний день не только объединяют три времени – прошлое, настоящее и будущее, но и три системы: образования, культуры и науки.

Университет становится гарантом, механизмом такой социальной потребности, как стабильное, устойчивое развитие общества.

Современный университет полифункционален и многозначен. Среди основных системообразующих направлений и функций – обучающая, исследовательская, профессиональная, сервисная, культурная и гуманистическая.

В условиях глобализации университет приобретает все новые и новые черты. Если в конце XX века подчеркивалась роль университета в обществе как его основного социального института, то сегодня положение и организация университетов вызывают много споров. Производство, развитие и распространение культуры – задачи университета в XIX-XX веках – отходят на задний план, и главными становятся вопросы адаптации к современным социально-экономическим и политическим изменениям, вопросы сотрудничества университета с государством, с одной стороны, и глобальным миром – с другой.

Глобализация, считает П. Скотт, возможно, самая главная проблема, вставшая перед университетом за всю его долгую историю. Поэтому университетам предстоит трудная работа, чтобы адаптироваться к требованиям зарождающейся эпохи глобализации. Если они не проявят нужную гибкость, необходимость в них может просто отпасть, а если продемонстрируют ее, в итоге могут перестать быть университетами. В XXI столетии университеты должны будут пройти по узкой тропинке между тем, что действительно устарело, и возможным отказом от своих ценностей, утверждает он (7).

Похожую точку зрения высказывает Джерард Деланти. Он подчеркивает, что в ответ на изменения в обществе, культуре и знании современный университет должен измениться, найти себя в новой социально-политической реальности, чтобы гарантировать свою «конвертируемость». Однако в отличие от П. Скотта Деланти утверждает, что на рубеже XX-XXI веков университет уже стал глобальным учреждением, занятым в трехсторонних отношениях с правительственными и многонациональными корпорациями. Вся история развития университетского образования свидетельствует, что современный университет имеет потенциал благополучно пройти путь адаптации к новым условиям. Университеты – уникальное общественное место, где формируются два типа знания: знание как наука и знание как культура, то есть университет способствует как социокультурному развитию, так и развитию промышленных технологий.

Современные университеты объединяют в себе три совершенно разных компонента: культуру, политику и рынок. Взаимовлияя друг на друга, они дают возможность сформировать новый образ университета.

Таким образом, рассмотрев в исторической ретроспективе генезис «идеи университета», можно сделать ряд выводов.

Университет является особым пространственно-временным образовательным континуумом, возникшим в эпоху европейского Средневековья, ставшим продуктом и достижением европейской цивилизации, культурным символом с его «вневременным и транснациональным смыслом».

Идея университета – это совокупность представлений об основополагающих ценностях, целях и границах функциональности образовательного подразделения, следовательно, миссия университета может рассматриваться как совокупность представлений об основополагающих ценностях, целях и пространстве развития университета, о том, что он несет, производит вовне, зачем он нужен обществу, государству, людям. В данном контексте миссия представляет собой смыслообразующее ядро университетской идеи.

Университет представляет собой корпорацию, объединение преподавателей и студентов, отличающееся от других корпораций своей

открытостью, наднациональным характером, так как пространством его влияния является не только регион, а весь мир.

Развитие идеи университета в мировом пространственно-временном континууме позволяет обнаружить исторический механизм формирования ценностных приоритетов при его неабсолютном характере и хронологической неравномерности проявления, который был назван «аксиологическими качелями» (Н.С. Ладыжец), «амплитуда колебаний которых будет заметно возрастать, отражая увеличение числа ценностных ориентаций университета в процессе его эволюции. Крайние точки будут символизировать абсолютизацию либо исследования, либо обучения» (модель Гумбольдта – модель Ньюмена).

Университет конца XX века – это пространство, в котором создаются условия для выживания человека в этом чреватом последствиями, хрупком и непредсказуемом мире. «Подготовка человека к жизни в этом мире есть часть вызова, брошенного университету». «Спровоцировать неопределенность в умах и бытии студентов и обучить их плодотворно жить с ней» – такова миссия университетского образования... Сегодня университет призван не только умножать схемы понимания мира, но и учить более или менее комфортной жизни в условиях радикальной неопределенности, которая возникает не без его помощи и усилий. Университет порождает сверхсложность и учит нас с ней жить». (Р. Барнетт)

Список литературы

1. **Ансофф, И.** Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф. – С.-Пб. : Питер, 1999. – 416 с.
2. **Барнетт, Р.** Осмысление университета. Образование в современной культуре / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ; Под ред. М.А. Гусаковского. – Мн.: Прописи, 2001. – 128 с.
3. Там же.
4. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество / Д.Белл. – М., 1999. С. 334- 335.
5. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер – М., 1990, Т. 2. – С. 723.
6. **Гительман, Л.Д.** Преобразующий менеджмент: Лидерам организаций и консультантам по управлению / Л.Д. Гительман. – М. : Дело, 1999. – С. 105.
7. **Глобализация и образование.** – М., 2000. – С. 68.
8. **Добрынина, В.И.** Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. В.И. Добрынина, Т.Н. Кухтевич. – М., 1996.
9. **Дюркгейм, Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии / Э.О. Дюркгейм. – Москва, 1990, С. 378.
10. **Жуков, В.И.** Университетское образование: история, социология, политика / В.И. Жуков. – М.: Академический Проект, 2003. – С. 79.
11. **Захаров, И.В.** Миссия университета в европейской культуре / И.В. Захаров, Е.С. Ляхович. – М., 1994. С.52

12. **Захаров, И.В.** Джон Ньюмен и его модель идеального университета / И.В. Захаров, Е.С. Ляхович // *Alma mater*. – 1993. – № 1. – С. 36-45.
13. **Коменский, Я.А.** Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости / Я.А.Коменский // *Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 2.* – М. : Педагогика, 1982.
14. **Костюкевич, С.** Образ университета как уникального сплава либерального образования, средневековой гильдии и естественной науки / С. Костюкевич // *«Alma mater» («Вестник высшей школы»)*. – М.: изд-во ун-та дружбы народов. – 2001. – № 6. – С. 34-39.
15. **Ладыжец, Н.С.** Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации: монография / Н.С. Ладыжец. – Ижевск, 1992. – 236 с.
16. **Макаркин, Н. П.** Миссия университета / Н. П. Макаркин, О. Б. Томилини // *Университетское управление: практика и анализ.* – 2003. – № 5-6(28). – С. 9-13.
17. **Манхейм, К.** Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М., 1994. – 480с.
18. **Мишед, Л.** Идея университета / Л. Мишед // *Вестник высшей школы.* – 1991. – №9. – С. 85-90.
19. **Ортега-и-Гассет, Х.** Миссия университета / Х. Ортега-и-Гассет // *«Alma mater» («Вестник высшей школы»)*. – М.: изд-во ун-та дружбы народов. – 2003. – №7. – С. 86-87.
20. **Петров, Ф.А.** Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1: Зарождение системы университетского образования в России / Ф.А.Петров // *«Alma mater» («Вестник высшей школы»)*. – М.: изд-во ун-та дружбы народов. – М., 1998. – С. 160
21. **Роуз, В.** Университет как явление культуры / В. Роуз // №7. – С.103.
22. **Clars, B.R.** *Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation* / B. R. Clars // *Issues in Higher Education.* – Paris: IAU Press, Pergamon, Elsevier Science, 1998.
23. **Kenner, R.** *Minogue. The concept of a university.* / R. Minogue Kenner. – London 1973. – P. 45.
24. **Kerr, C.A.** *Critical Age in the University World* / C. A. Kerr // *Europe Y. of. Ed.* Abington, 1987. – Vol. 22. – №2.
25. **Kotler, P.** *Marketing Management* / P. Kotler. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1984. – P. 45